

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации М.А. Перовой «Детская повседневность Советской России 1920-х гг. (на материалах Курганского и Шадринского округов)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02- Отечественная история

Актуальность исследования М.А. Перовой не вызывает сомнения. В последние десятилетия изучение истории детства и детской повседневности стало одним из приоритетных направлений отечественной социальной истории. Тем не менее данная тема по-прежнему не теряет свою актуальность. По мере изучения проблемы выявляются все новые ее аспекты, требующие дополнительного изучения; обнаруживаются допущенные ранее ошибки и неточности; в научный оборот вводятся новые источники, позволяющие по-новому осмыслить изученные ранее проблемы.

Автореферат М.А. Перовой, представленный на соискание ученой степени кандидата исторических наук, структурирован, отражает основное содержание диссертационного исследования. Работа Перовой не содержит заимствований, является самостоятельным исследованием, опирающимся на широкий круг источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот. Основу источниковой базы составляют региональные материалы, изучение которых существенно расширяет имеющиеся знания по истории детской повседневности Курганского и Шадринского округов. Однако на этом достоинства работы заканчиваются.

Основные замечания к автореферату и диссертационному исследованию.

1. Историографический обзор не дает полного представления о степени изученности проблемы в отечественной и зарубежной научной литературе. Поверхностный обзор литературы по проблеме, носит не аналитический а библиографический характер: состоит из перечисления отдельных работ по истории детства и детской повседневности без анализа основных тенденций изучения проблемы и выводов о результатах изучения темы, определения наиболее и наименее изученных ее аспектов, дискуссионных вопросов. К сожалению, приходится констатировать, что автор не владеет историографией проблемы, особенно зарубежной, крайне слабо представленной в историографическом обзоре. Перова не упомянула даже фундаментальное исследование ведущего зарубежного специалиста по истории детства Катрины Келли, имеющее непосредственное отношение к проблеме рассматриваемой диссертации (Kelly C. *Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991*. New Haven and London: Yale University Press, 2007. 714 P. ISBN: 978-0-300-11226-9), и ряд ее работ историографического характера, также напрямую относящихся к изучаемой проблеме. В обзоре упоминаются лишь две небольшие статьи К. Келли (см. автореферат, с. 8). Не указаны работы Лори Бернштейн, внесшей огромный вклад в изучение истории

семейных форм воспитания сирот в послереволюционной России¹; и многие другие.

Очевидно, что автор не может (да и не должен) перечислить в своем обзоре всю существующую литературу по истории детства выбранного периода, объем этой литературы колоссален. Диссертанту следовало бы сконцентрировать свое внимание на историографических работах по данной проблеме (их много, но диссертант не называет ни одну²), а также на наиболее значимых исследованиях, посвященных преимущественно тем аспектам проблемы, которым посвящена данная диссертация. Но именно эта литература никак не отражена в историографическом обзоре. В частности, в 1-й главе диссертации автор уделяет основное внимание вопросам семейной политики и семейного воспитания, проблемам педологии и задачам воспитания с целью формирования «нового человека». Эти аспекты истории детства имеют давние традиции изучения и обширную научную литературу, которая, к сожалению, даже не упоминается в историографическом обзоре. Незнание этой литературы, во-первых, создает у диссертанта иллюзию научной новизны своего исследования в данной части; во-вторых, приводит диссертанта к ряду грубых фактических ошибок, о чем будет сказано ниже.

2. Допущенные в историографическом обзоре фактические ошибки заставляют усомниться в том, что автор действительно читал упомянутые в обзоре работы, а не ограничился знакомством с их названием. Так, на с. 4 автореферата М.А. Перова пишет: «Т.М. Смирнова дискутирует с А.А. Сальниковой, доказывая, что советское детство было счастливым...». К сожалению, автор никак не обосновывает данный вывод и остается непонятным каким образом она к нему пришла. Мною написано более 20 работ по различным аспектам истории советского детства, общим объемом более 70 п.л., однако ни в одной из них ни в какой форме не говорится о том, что советское детство было счастливым. Не понятно также, что автор подразумевает под моей дискуссией с А.А. Сальниковой, работы которой в моих исследованиях упоминаются либо в историографическом ключе, либо с точки зрения характеристики различных подходов к формированию источниковой базы³. Никакой дискуссии относительно уровня счастья детей нет, да

¹ Bernstein L. Fostering the Next Generation of Socialists. Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // Journal of Family History. Vol. XXVI. № 1. January 2001. P. 66-89; Bernstein L. The Evolution of Soviet Adoption Law // Journal of Family History. Vol. XXII. № 1. January 1997. P. 204-226

² См., например: Келли К. Об изучении истории детства в России XIX-XX веков // Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. ст. и материалов. М.; Тверь. 2008. С. 8-46; Ромашова М.В. Занимательное источниковедение: История детства // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3 (20). С. 172-179; Ее же. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 2 (22). С. 108-115; Смирнова Т.М. Российское детство в XX веке: новые обобщающие работы и новые вопросы // Ребенок в истории и культуре: Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 4. М., 2010. С. 499-515; Ее же. Детство послереволюционной России: основные итоги и перспективы изучения // Труды Института российской истории. Вып. 15. М., 2019. С. 70-82; и др.

³ См.: Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. (1917-1940 гг.) М.-СПб., 2015. С. 37.

и не могло быть, - категория «счастье» относится скорее к сфере психологии и философии, но не к истории, и критерии определения уровня состояния счастья науке пока не известны.

Далее Перова пишет, что монография Т.М. Смирновой «Дети страны Советов...» основное внимание уделяет «проблеме беспризорности и способам ее решения» (автореферат, с. 4). Между тем в указанной монографии четко написано, что тема борьбы с беспризорностью осталась «за рамками исследования»⁴. В тоже время наиболее значимые работы по проблемам беспризорности и борьбы с ней в обзоре Перовой не упоминаются, что, как будет видно ниже, приводит к серьезным фактическим ошибкам.

3. Формулировка задач и обоснование научной новизны не нашли должного обоснования, что обусловлено поверхностным знанием историографии проблемы. Автор выносит на защиту положения, которые давно и хорошо изучены, не требуют доказательств и не обеспечивают научную новизну исследования. Например, общеизвестным является выносимое на защиту положение о том, что, «несмотря на декларируемый советской властью образ «счастливого советского детства» материальные условия существования детей дома, в школе, в детском доме были тяжелыми» (с. 14 автореферата). Данное положение не содержит научную новизну (проблеме тяжелых материальных условий жизни детей посвящено множество отечественных и зарубежных исследований), и его обоснование не может быть задачей диссертационного исследования. Из всех, сформулированных автором, задач диссертационного исследования (см. с. 8-9 автореферата) реальной научной новизной обладает лишь последняя – изучение выбранных аспектов проблемы «на региональной источниковой базе». Все остальные задачи имеют давние традиции изучения.

Таким образом, поверхностный историографический обзор не позволил автору выявить степень изученности различных аспектов проблемы, определить исследовательские лакуны и в соответствии с этим грамотно сформулировать задачи своего исследования, что, в свою очередь, ставит под сомнение научную новизну диссертационного исследования.

4. В диссертационном исследовании отсутствует внутренняя периодизация, чрезвычайно динамичные 1920-е годы рассматриваются в нем как некий единый период. Ни слова не говорится о голоде 1921-1922 гг., который оказал огромное влияние не только на общее положение детей, но и на развитие патронатного воспитания и частной опеки, на изменение системы закрытых детских учреждений. Нет анализа влияния на детскую повседневность НЭПа, то есть проблема рассматривается вне общеисторического контекста, что приводит к некорректным выводам.

5. Некорректным является обоснование верхней границы исследования – 1930 г. В качестве обоснования завершающей даты исследования диссертант приводит 2 основных аргумента. Первый аргумент не вызывает сомнений – в 1930 г. были ликвидированы Курганский и Шадринский округа (с. 9 автореферата). Однако далее автор утверждает, что 1930 г. является значимым с точки зрения «изменений в повседневной жизни детей», обосновывая это помимо прочего

⁴ Смирнова Т.М. Дети страны Советов... С. 33-34.

принятием в 1930 г. постановления ЦИК и СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении», а также тем, что в это время «произошла переориентация социальной политики на семейное воспитание детей с воспитания общественного и государственного, началось укрепление института семьи» (с. 9 автореф.). Данная часть обоснования представляется не соответствующей действительности. Во-первых, реализация постановления о введении всеобщего начального обучения растянулась на значительный период, и сам факт принятия этого постановления не привел к моментальным существенным изменениям. Во-вторых, «переориентация социальной политики на семейное воспитание детей» не имеет точной даты, является постепенным процессом, начавшимся значительно раньше, не в 1930, а в середине 1920-х гг. Это наглядно проявилось в пропаганде патронатного воспитания и периодически проводимых в 1920-е гг. кампаниях массового патронирования; в дискуссии вокруг института усыновления; изменениях, происходящих в институте опекуна. К сожалению, все эти вопросы не нашли отражение в диссертации.

6. Как автореферат, так и диссертационное исследование содержат ряд грубых фактических ошибок. Остановимся лишь на некоторых из них.

В центре диссертационного исследования находятся различные аспекты семейного воспитания (первый параграф первой главы «Детство в семейной политике Советской России 1920-х годов», первый параграф второй главы «Семейное пространство детской повседневности»). Между тем, разработка именно этой проблемы является наиболее слабой частью диссертационного исследования, именно в этом вопросе автор делает наибольшее количество фактических ошибок. Повторив ряд общеизвестных фактов об изменении семейно-брачного законодательства (надо отметить, что данная проблема не является новой в исторической литературе, анализ нормативно-правовой базы советской семейной политики является объектом исследования сотен юридических, исторических и социологических работ), Перова демонстрирует поверхностное и упрощенное понимание проблемы. В частности, диссертант смешивает существовавшие в послереволюционном обществе отдельные радикальные идеи и течения (как, например, «национализация всех детей» и полная отмена института семьи) с государственной политикой в сфере охраны детства. (см. с. 18 автореферата, с. 30 дисс. и др.). Повторяя публицистические штампы раннего постсоветского периода, Перова в тоже время демонстрирует низкий уровень знаний не только реальной практики в сфере семейной политики, но и нормативно-правовой базы. В частности, в диссертации ничего не говорится о дискуссиях вокруг института усыновления, его отмены и восстановления, хотя данная дискуссия исключительно важна для понимания семейной политики Советской власти, а также для понимания сущности принципа социального воспитания.

Ряд оценок автора ничем не обоснован и несет на себе отпечаток идеологических штампов и стереотипов. Так, диссертант пишет: «Был сделан важный шаг в рамках советского законодательства к свободе родителей от детей путем легализации абортов» (дисс., с. 24). Не совсем понятно, что автор подразумевает под «свободой родителей от детей», но, очевидно, что автор очень плохо знаком с проблемой легализации абортов в Советской России. Между тем,

этой проблеме посвящен целый ряд серьезных исследований, как отечественных, так и зарубежных, с которыми автор диссертации, судя по ее историографическому обзору, также не знакома. Легализация аборт преследовала в первую очередь задачи укрепления здоровья женщины и снижения младенческой смертности, рост которой был обусловлен помимо прочего и нарушением репродуктивных функций женщин в результате подпольных абортов. Не случайно с инициативой об отмене наказания женщин за искусственное прерывание беременности выступил именно Наркомздрав РСФСР. «Не приводя к положительным результатам, этот метод борьбы загнал эту операцию в подполье и сделал женщину жертвой корыстных и часто невежественных абортистов, которые из тайной операции создали себе промысел. В результате до 50% женщин заболевают от заражения и до 4% из них умирают», - подчеркивалось в принятом 18 ноября 1920 г. совместном постановлении Наркоматов здравоохранения и юстиции «Об охране здоровья женщин»⁵. В.П. Лебедева, возглавлявшая отдел охраны материнства и младенчества Наркомздрава РСФСР, не раз подчеркивала, что решение о легализации абортов было обусловлено необходимостью сберечь женщин «от непосильных родов и от калечения невежественными абортмахерами»⁶.

В продолжение этой темы М.А. Перова пишет: «Если забеременевшая женщина не хотела ребенка и не сделала аборт, она могла сдать новорожденного в приют» (дисс., с. 24). Это упрощенная трактовка действительности. Сдать новорожденного в приют было совсем не так просто. С «подкидыванием» младенцев велась активная борьба, органы охраны материнства и детства прилагали колоссальные усилия для сохранения матерей новорожденным детям. Для безработных и бездомных матерей-одиночек создавались специальные общежития, приюты, дома матери и ребенка и т.п. На эту тему также имеется множество научных исследований, которые диссертант также проигнорировала.

По утверждению диссертанта до 1926 г. в Советской России не были распространены семейные формы воспитания детей-сирот. Перова, в частности, пишет: «В 1926 году граждан призвали снова принимать сирот в свои семьи, что раньше считалось крайне нежелательным» (дисс., с. 29). Данное утверждение не соответствует действительности и свидетельствуют о незнании Перовой истории развития различных форм семейного воспитания (прежде всего патронатного), в послереволюционной России. В последние годы эта тема получила широкое освещение в исторической литературе, которая также не нашла отражение в историографическом обзоре. В частности, общеизвестным является факт, что уже с 1918 г. в Советской России активно практиковалось патронатное воспитание⁷.

⁵ СУ РСФСР. 1920. № Ст. 90. № 471.

⁶ Генс А.Б. Аборт в деревне М., 1926. С. 10

⁷ См., например: Смирнова Т.М. Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов. (Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 1. М.-Тверь, 2008. С. 174-196; Ее же. Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России. 1920-1930-е годы // Труды Института российской истории. Выпуск 10. М., 2012. С. 259-278; Bernstein L. Fostering the Next Generation of Socialists. Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // Journal of Family History. 2001. Vol. XXVI. № 1. P. 66-

Недопустимым является использование в диссертационном исследовании некорректных статистических данных, не имеющих должного обоснования и подкрепления источниками. Так, на с. 32 диссертации Перова пишет, что «к 1922 году в стране насчитывалось около 7 млн беспризорных детей», ссылаясь в качестве подтверждения на статью А.Ю. Рожкова, в которой без каких-либо обоснований и ссылок на источники, брошена фраза о «7-миллионной детской беспризорности»⁸. Недостоверность этих данных (взятых, кстати, из белоэмигрантской литературы) давно доказана. Подсчет беспризорных детей крайне сложен, очевидно, что в 1920-е годы в силу объективных причин не могло быть точной статистики беспризорности. В данной ситуации добросовестный исследователь должен дать статистическую «вилку» с указанием минимальных и максимальных данных, основанных на разных источниках. Именно это сделал в своих работах А.А. Славко, который потратил несколько лет на подсчеты беспризорных детей в Советской России, реконструкцию возрастного состава беспризорности в динамике, и написал на эту тему ряд блестящих работ. В его фундаментальной работе «Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти» проблеме определения численности и состава беспризорных детей в 1920-х гг. посвящен специальный раздел⁹. Если М.А. Петрова не согласна с расчетами А.А. Славко и придерживается мнения о достоверности данных о 7 миллионах беспризорных, то это должно быть обосновано ею в тексте.

7. К этому можно было бы добавить ряд недостатков редакционного характера, таких как неправильные выходные данные в сносках (например, сноска № 1 на с. 32 диссертационного исследования: «Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. – 2000. – № 11. С. 134», в действительности данная статья Рожкова опубликована в № 1 за 2000 год); неграмотно оформленный список источников и литературы, свидетельствующий о слабости источниковедческой подготовки автора, путающего синхронную литературу с публицистикой, статистические источники со сборниками документов и т.д. Однако в этом нет смысла, учитывая общий низкий уровень работы.

89; *ibid.* The Evolution of Soviet Adoption Law // Journal of Family History. 1997. Vol. XXII. № 1. P. 204-226; Ball Alan M. The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade // Slavic Review. 1992. Vol. 51. № 2; *ibid.* And Now My Soul is Hardered. Abandoned Children in Soviet Russia, 1918-1930. Berkeley, University of California Press, 1994; Goldman W. Women, the state and revolution: Soviet family policy and social life, 1917-1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 97-99, 307-308; Smirnova, Tatiana M. "Beloved Children of the Soviet Republic": The History of Foster Care in Soviet Russia, 1918-1930 // Russian Studies in History. Spring 2010, Volume 48, № 4, pp. 9-25; и др.

⁸ Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 134.

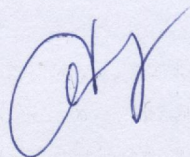
⁹ Славко А.А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005. С. 64-75; см. также: Он же. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Советской России 1917-1952 гг. Сыктывкар, 2009; Он же. История беспризорного и безнадзорного детства в России: конец 1920-х-начало 1950-х годов. Чебоксары, 2012

Таким образом, фактически научной новизной обладают лишь 2-я и 3-я главы, написанные на материалах региональных архивов. При соответствующей доработке данные главы могут стать хорошей основой диссертационного исследования.

Учитывая вышеизложенное, с сожалением приходится признать, что в данном состоянии работа М.А. Перовой не соответствует критериям, предъявляемым ВАК к диссертационным исследованиям на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В тоже время, еще раз подчеркну, что 2-я и 3-я главы работы могут стать хорошей основой для написания качественного диссертационного исследования.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, главным научным сотрудником Центра социальной истории России XX в. Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук Смирновой Т. М.

Доктор исторических наук
(07.00.02 – Отечественная история),
главный научный сотрудник
Центра социальной истории России XX века
ИРИ РАН
Смирнова Т.М.
tmsmirnova@mail.ru

Смирнова Т.М.

Контактная информация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт российской истории Российской академии наук

Адрес: 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

Телефон: 8(499)126-94-65

E-mail: iriran@mail.ru

